

**ГОСУДАРСТВО И ПРАВО:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ**

УДК 342.36

DOI 10.25688/2076-9113.2018.32.4.01

**А.А. Дорская,
А.Ю. Дорский**

**Значение социальных травм
в процессе легитимации политики
в постсоветской России:
правовое измерение¹**

В статье рассматриваются закономерности возникновения и преодоления социальных травм в современной России и их юридические последствия. Особое внимание уделено таким социальным травмам, как попытки пересмотра результатов Второй мировой войны и роли Советского Союза в разгроме фашизма, распад СССР и возможности дальнейшего дробления Российского государства в 1990-е гг., падение уровня жизни населения России, разрушение личных, семейных, профессиональных связей людей, оказавшихся после 1991 г. в разных государствах. Выделены две модели использования социальных травм для легитимации проводимой в Российской Федерации политики. Показано значение права в предотвращении или преодолении социальных травм.

Ключевые слова: теория социальной травмы; легитимация политики; реальная социальная травма; мнимая социальная травма; история советского периода.

Междисциплинарный характер современной науки приводит к постоянному взаимодействию различных научных школ и направлений как в терминологическом, так и в содержательном отношении. В настоящей статье предпринимается попытка юридического осмысления явлений и процессов, получивших до настоящего времени преимущественно социологическое описание. Прежде всего требует комментария вопрос о возможности правового измерения легитимации политики. После М. Вебера принято противопоставлять понятия легитимности и легальности, относя

¹ Часть статьи, написанная А.А. Дорской, выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01233 «Правовой фактор в динамике социальной травмы: российский опыт».

первое преимущественно к социологическому и политологическому дискурсам, а второе — к юридическому. Сегодня взаимосвязь этих понятий нередко становится предметом исследования, однако чаще всего изучению подвергается легитимность легального [7; 16; 24]. Мы обращаемся к иному аспекту их взаимопроникновения — как нам представляется, собственно веберовскому. В данном аспекте легальность рассматривается как основание легитимности, наличие общеобязательных норм оказывается оправданием проводимой государством политики. Раскрытие ошибки логического круга — общеобязательные нормы установлены тем же государством — аргумент, бессильный против массового сознания, поскольку «в действительности подчинение обуславливают чрезвычайно грубые мотивы страха и надежды — страха перед мстью магических сил или властителя, надежды на потустороннее или посюстороннее вознаграждение — и вместе с тем самые разнообразные интересы» [5: с. 646]. Одним из таких подлинных мотивов является потребность в аффилиации, сохранении общества, в котором закон превратился в едва ли не единственный связующий механизм [13]. Заявленный подход делает юридическое осмысление легитимации политики органичным и обязательным.

Кроме того, в круг юридических понятий постепенно вводится понятие социальной травмы. Теория социальных травм, основоположниками которой являются американский социолог Джеффри Александер (р. 1947 г.) и польский социолог Петр Штомпка (р. 1944 г.), все больше оказывает воздействие на другие гуманитарные и общественные науки [4; 15; 18]. Однако в юриспруденции этой теории пока уделяется недостаточное внимание. Более того, распространение теории социальной травмы пока не привело к возникновению консенсуса по поводу содержания ее основного понятия.

В работах Дж. Александера социальная травма определяется как культурный конструкт, приписывание обществом какому-то реально произошедшему или вымышленному событию, оставившему в коллективной памяти неизгладимый след, статуса «страшного» [12: с. 108].

П. Штомпка рассматривает как травму социальные изменения в целом, называя основной причиной таких травм противоречия, даже конфликт культурных ценностей и смыслов социальной реальности [26: с. 6–16]. Любые изменения неизбежно связаны с переходом настоящего в прошлое, т. е. в историю. Применительно к Польше П. Штомпка выделил три главные сферы проявления социальной травмы в резко изменяющемся обществе, которые, по мнению современных специалистов, вполне применимы и к российской действительности. Это демография, социальная структура и культура [27: с. 93]. Таким образом, социальные травмы переживает население прежде всего тех стран, где либо происходят серьезные социальные потрясения, либо сильны определенные риски и угрозы [14: с. 99].

Если для Штомпки травма сопутствует изменениям, то в психоаналитических трактовках она является своего рода параличом настоящего, который не позволяет доверять миру и двигаться вперед [2: с. 22].

Одни авторы указывают на различие социальных политравм (травмирующих событий, тесно связанных друг с другом одним социальным пространством и временным отрезком) и социальных мегатравм (мощных социальных потрясений, вызывающих шок, оказывающих немедленное и сильнодействующее влияние на социальную общность) [3]. А другие отмечают, что для осознания и преодоления любой социальной травмы необходимо время.

Так, первые сведения о холокосте появились сразу после Второй мировой войны, но они не вызвали большого интереса. Необходимо пройти в определенном смысле латентный период, чтобы затем наступило осмысление и понимание произошедшего [1: с. 134]. При этом юридическая легитимация политики европейских государств стала приобретать особое значение по мере исторического удаления от времени события травмы. 13 июня 1990 г. после нашумевшего дела Роберта Форрисона — французского писателя, профессора литературоведения, отрицавшего геноцид нацистов в отношении еврейского населения стран Европы, назвавшего подделкой дневник Анны Франк, во Франции был принят закон Гейссо, запрещающий отрицание холокоста, решений Нюрнбергского трибунала, а также предусматривающий уголовную ответственность за публичные расистские, антисемитские, ксенофобские высказывания, проявление дискриминации по принципу принадлежности к этнической группе, нации, расе или религии [23]. В 1992 г. аналогичный закон был принят в Австрии, а в 1995 г. — в Бельгии. В 1996 г. вышла директива Европейского союза, согласно которой государства-члены обязаны криминализовать публичное отрицание преступлений, входивших в компетенцию международного военного трибунала (Нюрнбергского трибунала), а 28 ноября 2008 г. было принято Рамочное решение 2008/913/ПВД Совета Европейского Союза о борьбе с отдельными формами и проявлениями расизма и ксенофобии посредством уголовного права [21].

Многими народами события Второй мировой войны до сих пор переживаются как травматические. Причем если для россиян Великая Отечественная война продолжает оставаться в основном событием прошлого, вызывающим гордость за свою страну и свой народ, который сумел противостоять нацизму, то, к примеру, для части польского населения это время воспринимается как потеря государственности, сговор тоталитарных лидеров и т. д.

Если рассмотреть политику России в постсоветский период, то можно выделить два сценария использования социальных травм в процессе легитимации проводимой политики.

Первый — акцентуализация реальной или мнимой социальной травмы. Так, в конце 1980-х гг. в рамках политики гласности как социальная травма стала конструироваться советская история. Многочисленные публикации о массовых репрессиях, внутрипартийной борьбе, коллективизации были не менее разрушительными для Советского государства, чем экономические проблемы.

Выступление Б.Н. Ельцина, бывшего в то время первым секретарем Московского городского комитета КПСС, на октябрьском Пленуме ЦК КПСС, центральным событием которого был доклад Генерального секретаря ЦК КПСС

М.С. Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается» в честь 70-летия Октябрьской революции, показало отсутствие единства внутри партийной элиты, к которому более чем за 20 лет после отставки Н.С. Хрущева советские граждане уже привыкли.

Разыгрывание, по образному выражению Т. Грэма, российской карты [6] в конце 1980 – начале 1990-х гг. стало конструированием еще одной социальной травмы, которую, в отличие от первой, скорее, можно считать мнимой. Стала развиваться идея о том, что Россия в рамках СССР не имела своей государственности, а точнее — потеряла ее, поэтому необходимо провозглашение независимости России, что и произошло 12 июня 1990 г., когда была принята Декларация о государственном суверенитете России. Если для одних республик Советского Союза (в первую очередь прибалтийских) это соответствовало их интересам, так как расшатывало союзную идею, то для других стало настоящим шоком. В частности, к такому развитию событий оказались не вполне готовы республики Средней (Центральной) Азии. Возможно, что именно это в дальнейшем стало одним из факторов, повлиявших на сложную судьбу Содружества Независимых Государств.

В 1990-е гг. объективно и субъективно появились новые социальные травмы. Существовала возможность дальнейшего распада государства, но теперь уже на российском уровне («парад суверенитетов», события в Чеченской Республике и т. д.). Катастрофически упал уровень жизни населения России. Разрушались личные, семейные, профессиональные связи людей, оказавшихся в результате распада СССР в разных государствах.

Однако в целом политика конца 1980–1990-х гг. может рассматриваться как культивирование социальной травмы. Таким образом и обосновывались, и одновременно оправдывались проблемы, возникавшие в процессе построения демократии.

В 2000-е гг. был взят другой политический курс. Преодоление социальных травм стало использоваться как индикатор успешности внутренней и внешней политики Российской Федерации.

Осмысление истории советского периода как социальной травмы символически связывалось с именем последнего русского монарха и пересмотром отношения к Русской православной церкви. Знаковым событием стала канонизация 20 августа 2000 г. Николая II и членов его семьи Русской православной церковью (Русская православная церковь за рубежом причислила их к лику святых в 1981 г.). При этом важно, что проведенное в предыдущий период (1998) захоронение останков членов императорской семьи так и не приобрело необходимого легитимирующего современную политику значения [8].

Попытки установить новые партнерские отношения государства и религиозных организаций начались еще в 1990-е гг. Уже в 1990 г. религиозным организациям был возвращен статус юридических лиц, которого они были лишены в советское время. С 1988 г. до осени 1998 г. в пользование религиозным организациям было передано более 4000 объектов недвижимости, из которых

1900 являлись памятниками истории и культуры федерального и местного значения. Из них Русской православной церкви было передано 3500 объектов. Мощи, иконы, которые ранее были музейными предметами, также стали активно передаваться религиозным организациям. Только за первые десять лет музеи передали более 15 000 предметов [25: с. 55]. 30 ноября 2010 г. был принят Федеральный закон Российской Федерации № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности», придавший данному процессу окончательно легитимный характер.

Постепенно должен был утратить травматический характер и сам советский период. Например, одним из важнейших исторических событий на официальном и неофициальном уровнях считается День Победы, напрямую ассоциирующийся с Советским Союзом.

Травмы 1990-х годов также должны были быть преодолены. Предпринимаются новые попытки объединения постсоветского пространства или хотя бы его части. Это выразилось сначала в создании Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана, затем в создании ЕврАзЭС, а с 2015 г. — Евразийского экономического союза.

Внутренняя консолидация как преодоление травмы «парада суверенитетов» отразилась на изменении оценки событий в Чеченской Республике. Официальная терминология трансформировалась. С 1999 г. вместо слова «война» стало использоваться словосочетание «контртеррористическая операция на Северном Кавказе» [11]. Если в начале 1990-х г. Конституционный суд поддерживал (хотя и с оговорками) идею суверенитета субъектов Российской Федерации [19], то в 2000 г. решительно пересмотрел свою позицию, заявив, что субъекты Федерации суверенитетом обладать не могут [17; 20]. К вопросу пришлось вернуться в 2009 г., когда суд констатировал, что в ряде субъектов его решения до сих пор не исполнены [10]. Окончательно рассматриваемая травма должна была быть преодолена с введением в Уголовный кодекс Российской Федерации статьи 280.1. «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации».

Однако наравне с преодолением существующих социальных травм российского общества наблюдается и возникновение новых. Петр Штомпка, определяя этапы развития социальных травм, отмечает, что в процессе преодоления социальной травмы возможно два варианта событий: либо травма преодолевается, либо начинается новый цикл травматической последовательности, если смягченная травма таит в себе условия для появления нового вида травмы.

Примером первого варианта можно считать некоторые действия России по противодействию попыткам пересмотра результатов Второй мировой войны. Так, еще в мае 2014 г. в Уголовный кодекс РФ была введена статья 354.1, запрещающая реабилитацию нацизма. Несмотря на то что данное изменение уголовного законодательства вызвало неоднозначную реакцию, примечательно, что мировое сообщество в целом поддержало российскую позицию

и формулировки. 16 ноября 2017 г. большинством голосов Третий комитет Генеральной Ассамблеи ООН принял российскую резолюцию о борьбе с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами дискриминационных практик. За предложенный Россией документ проголосовали 125 из 193 государств [9]. Таким образом, на сегодняшний день Российская Федерация имеет четко определенную позицию, нашедшую отражение в ее нормативно-правовых актах.

Второй вариант может быть рассмотрен на примере неоднозначного, во многом противоречивого отношения к Октябрьской революции. С одной стороны, государственная власть подчеркивала и подчеркивает значение революционных событий 1917 г. в истории России. Так, в Указе Президента Российской Федерации от 07.11.1996 № 1537 «О дне согласия и примирения» отмечалось, что Октябрьская революция 1917 г. коренным образом повлияла на судьбу нашей страны. 19 декабря 2016 г. президент Российской Федерации подписал Распоряжение о подготовке празднования 100-летия революции 1917 г. в России [22], согласно которому организация мероприятий была возложена на ассоциацию «Российское историческое общество». Был подготовлен целый комплекс мероприятий. С другой стороны, Россия пока окончательно не определилась с отношением к своему революционному прошлому. Согласно Федеральному закону от 13.03.1995 № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» 7 ноября стал праздноваться как День проведения военного парада на Красной площади в городе Москве в ознаменование двадцать четвертой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции (1941 г.). Как уже указывалось выше, с 1996 г. 7 ноября было объявлено Днем согласия и примирения. С 2004 г. как День народного единства стало праздноваться 4 ноября, символизирующее объединение народа в годы Смуты для защиты своего Отечества, а с 2005 г. 7 ноября перестало быть выходным днем. Одним из предложений, звучавшим со стороны разных политических сил накануне 100-летнего юбилея Октябрьской революции, было проведение амнистии. С 1994 г. амнистия объявлялась 19 раз, в том числе к 20-летию принятия Конституции Российской Федерации. Проект объявления амнистии был внесен в Государственную думу в октябре 2017 г., однако решение по данному вопросу принято не было.

Таким образом, теория социальных травм вполне применима к правовому материалу и активно используется властью для легитимации своей политики. Право, с одной стороны, может иметь превентивную функцию, т. е. препятствовать возникновению социальных травм. На примере нормативно-правовых актов последних лет можно четко выявить одну из задач современного Российского государства — не допустить пересмотра результатов Второй мировой войны в глобальном смысле (в виде реформирования ООН без учета истории данной международной организации и сложившейся расстановки сил), на общественном и личностном уровнях (общероссийское общественное гражданско-патриотическое движение «Бессмертный полк» показывает, что память о войне бережно хранится в огромном количестве семей, и посягательства на нее являются очень травматичными). С другой стороны, право может способствовать преодолению

обществом социальной травмы. Так, содержание нормативно-правовых актов последних десятилетий, посвященных празднованию Октябрьской революции 1917 г., переводит внимание людей с возможности радикального решения набравших вопросов на необходимость поиска компромиссных вариантов, способствующих примирению и согласию различных сил в стране. В постсоветский период мы наблюдаем две абсолютно разные модели использования социальных травм для легитимации проводимой политики. Первый вариант — культивирование социальной травмы, опора на негативные аспекты истории и выстраивание политики на отрицании недавнего прошлого. Второй вариант — демонстрация возможностей власти и приобретение сторонников за счет преодоления социальных травм, попыток их смягчения.

Литература

1. Айерман Р. Социальная теория и травма // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 1. С. 121–138.
2. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
3. Бороденко О.В. Культурная травма и социокультурная сфера общества. URL: <https://www.sworld.com.ua/simpoz8/64.pdf> (дата обращения: 02.07.2018).
4. Бочкарев С.В. Политико-правовой опыт Франции по осмыслению социальных трансформаций второй половины XIX в. // Вестник Академии права и управления. 2018. № 2 (51). С. 67–72.
5. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 644–706.
6. Грэм Т. Россия: упадок и неопределенные перспективы возрождения. М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. 143 с.
7. Денисенко В.В. Легитимность как характеристика сущности права. Введение в теорию: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 184 с.
8. За 20 лет пребывания «екатеринбургских останков» в усыпальнице Романовых в Петербурге они не стали объектом паломничества // Интерфакс. Религия. 17 июля 2018 года. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=70251> (дата обращения: 19.07.2018).
9. Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с принятием в Третьем комитете 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюции о борьбе с героизацией нацизма // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2953418 (дата обращения: 02.06.2018).
10. Конституционный суд предложил республикам РФ забыть о суверенитете // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. Конституционный Суд в прессе. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Press-srv/Smi/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=1764> (дата обращения: 19.07.2018).
11. Контртеррористическая операция в Чечне 1999–2009 гг. Справка // РИА новости. URL: https://ria.ru/defense_safety/20090326/166106234.html (дата обращения: 02.05.2018).

12. *Коротецкая Л.В.* Холокост как социальная и культурная конструкция памяти: фактор травмы и позиция жертвы // Социологические исследования. 2016. № 3 (383). С. 107–117.
13. *Мальцев Г.В.* О происхождении и ранних формах права и государства. Пять лекций. М.: Изд-во РАГС, 2000. 189 с.
14. *Матчанова З.Ш.* Развитие российского антитеррористического законодательства как способ преодоления социальной травмы // Российское государственное управление. 2018. № 2. С. 98–104.
15. *Матчанова З.Ш.* Террористический акт как социальная травма: криминологический анализ // Вестник Академии права и управления. 2018. № 2 (51). С. 107–112.
16. *Меклевик Б.* Легитимность и права человека // Правоведение. 2014. № 6 (317). С. 55–65.
17. Определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 92-О/2000 по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия – Алания и Республики Татарстан // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision32184.pdf> (дата обращения: 19.07.2018).
18. *Потанов Ю.А.* Реабилитация как государственно-правовой фактор преодоления социальной травмы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2. С. 27–30.
19. Постановление Конституционного Суда РСФСР от 13.03.1992 № П-РЗ-1/1992 по делу о проверке конституционности Декларации о государственном суверенитете Республики Татарстан от 30.08.1990, Закона Республики Татарстан от 18.04.1991 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Республики Татарстан», Закона Республики Татарстан от 29.11.1991 «О референдуме Республики Татарстан», Постановления Верховного Совета Республики Татарстан от 21.02.1992 «О проведении референдума Республики Татарстан по вопросу о государственном статусе Республики Татарстан» // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision40636.pdf> (дата обращения: 19.07.2018).
20. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 № 10-П/2000 по делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30359.pdf> (дата обращения: 19.07.2018).
21. Рамочное решение 2008/913/ПВД Совета Европейского Союза о борьбе с отдельными формами и проявлениями расизма и ксенофобии посредством уголовного права // Центр права Европейского Союза. URL: http://eulaw.edu.ru/old/documents/legislation/law_defence/racism.htm (дата обращения: 02.06.2018).
22. Распоряжение Президента Российской Федерации от 19.12.2016 № 412-рп о подготовке и проведении мероприятий, посвященных 100-летию революции 1917 года в России // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41498> (дата обращения: 07.04.2018).

23. Уголовное преследование отрицания Холокоста // Академическая Вики-энциклопедия по еврейским и израильским темам. URL: http://www.ejwiki.org/wiki/Уголовное_преследование_отрицания_Холокоста (дата обращения: 03.02.2018).

24. *Черняковский А.В.* Легитимность позитивного права и участие общества и в принятии законодательных решений // Принцип формального равенства и взаимное признание права: коллективная монография / под общ. ред. В.В. Лапаевой, А.В. Полякова, В.В. Денисенко. М.: Проспект, 2016. С. 324–336.

25. *Шахов М.О.* Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2011. 352 с.

26. *Штомпка П.* Социальные изменения как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.

27. *Щербакова Л.И., Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И.* Социальное здоровье российской молодежи в свете теории социокультурной травмы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 6–7. С. 90–96.

Literatura

1. *Ajerman R.* Social'naya teoriya i travma // Sociologicheskoe obozrenie. 2013. T. 12. № 1. S. 121–138.

2. *Assman A.* Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika / per. s nem. В. Xlebnikova. М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 328 s.

3. *Borodenko O.V.* Kul'turnaya travma i sociokul'turnaya sfera obshhestva. URL: <https://www.sworld.com.ua/simpoz8/64.pdf> (data obrashcheniya: 02.07.2018).

4. *Bochkarev S.V.* Politiko-pravovoj opy't Francii po osmy'sleniyu social'ny'x transformacij vtoroj poloviny' XIX v. // Vestnik Akademii prava i upravleniya. 2018. № 2 (51). S. 67–72.

5. *Veber M.* Politika kak prizvanie i professiya // Veber M. Izbranny'e proizvedeniya. М.: Progress, 1990. S. 644–706.

6. *Gre'm T.* Rossiya: upadok i neopredelenny'e perspektivy' vrozozhdeniya. М.: Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya, 2007. 143 s.

7. *Denisenko V.V.* Legitimnost' kak karakteristika sushhnosti prava. Vvedenie v teoriyu: monografiya. М.: Yurlitinform, 2014. 184 s.

8. Za 20 let preby'vaniya «ekaterinburgskix ostankov» v usy'pal'nice Romanovy'x v Peterburge oni ne stali ob''ektom palomnichestva // Interfaks. Religiya. 17 iyulya 2018 goda. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=70251> (data obrashheniya: 19.07.2018).

9. Kommentarij Departamenta informacii i pechati MID Rossii v svyazi s prinyatiem v Tret'em komitete 72-j sessii General'noj Assamblei OON rezolyucii o bor'be s geroizacij naczisma // Oficial'ny'j sajt Ministerstva inostranny'x del Rossijskoj Federacii. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2953418 (data obrashheniya: 02.06.2018).

10. Konstitucionny'j sud predlozhit respublikam RF zaby't' o suverenitete // Oficial'ny'j sajt Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii. Konstitucionny'j Sud v presse. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Press-srv/Smi/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=1764> (data obrashheniya: 19.07.2018).

11. Kontterroristicheskaya operaciya v Chechne 1999–2009 gg. Spravka // RIA novosti. URL: https://ria.ru/defense_safety/20090326/166106234.html (data obrashheniya: 02.05.2018).

12. *Koroteczkaya L.V.* Xolokost kak social'naya i kul'turnaya konstrukciya pamyati: faktor travmy' i poziciya zhertvy' // *Sociologicheskie issledovaniya*. 2016. № 3 (383). S. 107–117.
13. *Mal'cev G.V.* O proisxozhdenii i rannix formax prava i gosudarstva. Pyat' lekcij. M.: Izd-vo RAGS, 2000. 189 s.
14. *Matchanova Z.Sh.* Razvitie rossijskogo antiterroristicheskogo zakonodatel'stva kak sposob preodoleniya social'noj travmy' // *Rossijskoe gosudarstvovedenie*. 2018. № 2. S. 98–104.
15. *Matchanova Z.Sh.* Terroristicheskij akt kak social'naya travma: kriminologicheskij analiz // *Vestnik Akademii prava i upravleniya*. 2018. № 2 (51). S. 107–112.
16. *Meklevik B.* Legitimnost' i prava cheloveka // *Pravovedenie*. 2014. № 6 (317). S. 55–65.
17. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 27.06.2000 № 92-O/2000 po zaprosu gruppy' deputatov Gosudarstvennoj Dumy' o proverke sootvetstviya Konstitucii Rossijskoj Federacii otdel'ny'x polozhenij konstitucij Respubliki Ady'geya, Respubliki Bashkortostan, Respubliki Ingushetiya, Respubliki Komi, Respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya i Respubliki Tatarstan // Oficial'ny'j sajt Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision32184.pdf> (data obrashheniya: 19.07.2018).
18. *Potapov Yu.A.* Reabilitaciya kak gosudarstvenno-pravovoj faktor preodoleniya social'noj travmy' // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 2018. № 2. S. 27–30.
19. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RSFSR ot 13.03.1992 № P-RZ-1/1992 po delu o proverke konstitucionnosti Deklaracii o gosudarstvennom suverenitete Respubliki Tatarstan ot 30.08.1990, Zakona Respubliki Tatarstan ot 18.04.1991 «Ob izmeneniyax i dopolneniyax Konstitucii (Osnovnogo Zakona) Respubliki Tatarstan», Zakona Respubliki Tatarstan ot 29.11.1991 «O referendume Respubliki Tatarstan», Postanovleniya Verxovnogo Soveta Respubliki Tatarstan ot 21.02.1992 «O provedenii referenduma Respubliki Tatarstan po voprosu o gosudarstvennom statuse Respubliki Tatarstan» // Oficial'ny'j sajt Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision40636.pdf> (data obrashheniya: 19.07.2018).
20. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 07.06.2000 № 10-P/2000 po delu o proverke konstitucionnosti otdel'ny'x polozhenij Konstitucii Respubliki Altaj i Federal'nogo zakona «Ob obshhix principax organizacii zakonodatel'ny'x (predstavitel'ny'x) i ispolnitel'ny'x organov gosudarstvennoj vlasti sub'ektov Rossijskoj Federacii» // Oficial'ny'j sajt Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30359.pdf> (data obrashheniya: 19.07.2018).
21. Ramochnoe reshenie 2008/913/PVD Soveta Evropejskogo Soyuzo o bor'be s otdel'ny'mi formami i proyavleniyami rasizma i ksenofobii posredstvom ugolovnogo prava // Centr prava Evropejskogo Soyuzo. URL: http://eulaw.edu.ru/old/documents/legislation/law_defence/racism.htm (data obrashheniya: 02.06.2018).
22. Rasporyazhenie Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 19.12.2016 № 412-rp o podgotovke i provedenii meropriyatij, posvyashhenny'x 100-letiyu revolyucii 1917 goda v Rossii // Oficial'ny'j sajt Prezidenta Rossijskoj Federacii. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41498> (data obrashheniya: 07.04.2018).
23. Ugolovnoe presledovanie otriczaniya Xolokosta // *Akademicheskaya Viki-e'n-ciklopediya po evrejskim i izrail'skim temam*. URL: http://www.ejwiki.org/wiki/Уголовное_преследование_отрицания_Холокоста (data obrashheniya: 03.02.2018).

24. *Chernyakovskij A.V.* Legitimnost' pozitivnogo prava i uchastie obshhestva i v priyatii zakonodatel'ny'x reshenij // Princip formal'nogo ravenstva i vzaimnoe priznanie prava: kollektivnaya monografiya / pod obshh. red. V.V. Lapaevoj, A.V. Polyakova, V.V. Denisenko. M.: Prospekt, 2016. S. 324–336.

25. *Shaxov M.O.* Pravovy'e osnovy' deyatelnosti religiozny'x ob"edinenij v Rossijskoj Federacii. M.: Izd-vo Sretenskogo monasty'rya, 2011. 352 s.

26. *Shtompka P.* Social'ny'e izmeneniya kak travma // Sociologicheskie issledovaniya. 2001. № 1. S. 6–16.

27. *Shherbakova L.I., Gaftatulina N.H., Samy'gin S.I.* Social'noe zdorov'e rossijskoj molodezhi v svete teorii sociokul'turnoj travmy' // Gumanitarny'e, social'no-e'konomicheskie i obshhestvenny'e nauki. 2017. № 6–7. S. 90–96.

A.A. Dorskaya,

A.Yu. Dorskiy

The Importance of Social Trauma in the Process of Legitimization of Politics in Post-Soviet Russia: the Legal Dimension

The article considers the patterns of occurrence and overcoming social traumas in modern Russia and their legal consequences. Special attention is paid to such social traumas as attempts to revise the results of the Second World War and the role of the Soviet Union in defeating fascism, the collapse of the USSR and the opportunity of further fragmentation of the Russian state in the 1990s, falling living standards of the Russian population, the destruction of personal, family and professional ties people came across after 1991 in different states. Two models of using social traumas to legitimize the politics pursued in the Russian Federation are highlighted. The importance of law in preventing or overcoming social traumas is shown.

Keywords: theory of social trauma; legitimation of politics; real social trauma; imaginary social trauma; history of the Soviet period.